

От того, насколько этот конструктивный потенциал гуманитарных наук будет реализован в университетах, зависит будущее и самих университетов. Это не только хранилища знаний, но и лаборатории конструктивного мышления, которое творит новые идеи и на их основе преобразует природу и цивилизацию. Нельзя ограничивать научную или академическую деятельность сферой исследования и познания, т.е. накопления и умножения знаний (фактов, закономерностей, наблюдений и обобщений). Правильнее было бы определить задачу научных и академических учреждений не как исследование, а как *мыслезнание*, интеллектуальную деятельность в форме *познания и мышления*, т.е. (1) установление наличных фактов и принципов и (2) производство новых понятий и идей, которые могут продуктивно использоваться в развитии цивилизации. Знание есть *информация* о наличных фактах и связях мироздания; мышление — *трансформация* этих связей, создание новых идей и представлений, которые в свою очередь — посредством технологий, политик, искусств — могут быть претворены в предметы и свойства окружающего мира. Это трансформативное начало гуманитарных наук сегодня как никогда остро нуждается в признании академических и образовательных институций.

ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКАЯ ВЕРТИКАЛЬ И ТЕКСТЫ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

В.А. СУЛИМОВ

Эрозия гуманистического начала философского антропоцентризма, обозначившаяся в XX и — особенно — в XXI веке, несомненно, свидетельствует об утрате в массах *потребителей идей* аксиологической вертикали — шкалы ценностей. Это «уплощение» ценностной шкалы, объединяя в одном когнитивно-семиотическом пространстве разнородные и разноуровневые тексты культуры, приводит к отказу от приоритетов (будь то приоритеты социальные, этические, моральные, поведенческие, научные, образовательные или

любые другие). Именно феномен «уплощения», «выравнивания» аксиологической шкалы создает иллюзию постмодернистского дискурса, охватившего коммуникативное пространство современной культуры и породившего (иногда — почти вне авторской интенции и его внутренней *системологии*) гигантский пласт того, что принято называть «произведениями» безотносительно к виду, жанру, авторскому стилю. Этому пласту текстов с заведомо осложненными интерпретационными характеристиками сопоставляется единственно возможный потребитель, обладающий исторически обусловленными характеристиками: аксиологической амбивалентностью и интеллектуальной (интерпретационной) подвижностью, позволяющими ориентироваться в бесконечных текстовых отражениях виртуальной реальности. При этом возросшая роль виртуальной образности определяет, в конечном счете, параметры восприятия мира. Кристоф Вульф видит в качестве основной причины гипервиртуализации когнитивного пространства «игру образов», нивелирующую различия между реальным и виртуальным и приводящую к их «схлопыванию»: «Если все превращается в игру образов, то неизбежны произвол и необязательность. Созданные таким образом миры образов оказывают обратное воздействие на жизнь. Все сложнее различать жизнь и искусство, фантазию и действительность. Обе сферы уподобляются друг другу. Жизнь становится про-образом мира видимости, а мир видимости — про-образом жизни»¹. Возникает естественный вопрос *о наличии потребителя* такого тексториентированного продукта и его когнитивных характеристиках.

И текст как результат наррации, и сама нарратология как способ интерпретации текста в условиях «новой» ментальности, когда и текст, и текст о тексте (текст-интерпретация) предстают в виде набора континуальных знаков, отражают скорее некоторый ракурс нарративного видения, чем описание «действительности». Ракурс нарративного видения может меняться в ходе порождения/восприятия текста, подчиняясь закону логической парадоксальности

¹ Вульф К. Антропология / История. Культура. Философия. СПб.: Изд.-во С.-Петербургского университета. 2008. С. 204.

как наиболее действующему (и=наблюдаемому) закону современного текстопорождения: «Деверсификация, деконструкция и политизация — вот три характеристики изменения в современной нарратологии. Должно быть очевидно, что эти три термина совместно имплицитно формулируют треугольник означивания»². Естественно, что можно представить и иные варианты семиотического треугольника, применимого к современному тексту культуры/литературному тексту (в частности, модели знака, разомкнутые в четвертое — трансцендентное — измерение), но в любом случае эти модели (тернарные или квадриальные) демонстрируют (а) усложнение структур индивидуального сознания; (б) усложнение условий порождения/восприятия текста, обязательно включающих интерпретационные возможности субъектов текстовой деятельности³.

Введение в практику текстовой деятельности особой нарративной логики, отказавшейся от *идеи последовательности* (внешнего и внутреннего сюжета) как онтологической и гносеологической основы «повествования о...» или «рассуждения о...» стало оказывать заметное влияние на индивидуальное сознание участников текстовой деятельности или, скорее, сверхинформационного коммуникативного акта, делая сам акт коммуникации парадоксальным по сути: все более разнонаправленным, убыстренным, личностно-зависимым и интеллектуально-чувственным.

Глубинное изменение ментальности текстопорождения и текстовосприятия, втянувшее в свою орбиту не только литературу, но и все виды искусства, науку, политику, СМИ, не могло не вызывать *реакцию массового сознания*. Массовое сознание оказалось не только не готовым к переменам, но и не имеющим (в силу образовательных или психобиологических причин — например, малого объема оператив-

² Currie M. Postmodern Narrative Theory. N.-Y.: Polgrave, 2005. С. 6.

³ Вопрос о разомкнутой четырехугольной модели континуального знака, включающий трансцендентные смыслы в качестве «стабилизатора» значения был рассмотрен, в частности, в работе: Сулимов В.А., Фадеева И.Е. Когнитивная культурология: преодоление дискретности // Семиозис и культура. Вып. 4. /Отв. ред. И.Е. Фадеева. Сыктывкар: Изд-во Коми госпединститута, 2008. С. 80 — 89.

ной памяти) возможности интерпретации современного текста как конгломерата изменчивых образов. Континуальный знак стал как бы «накатываться» на повседневное сознание (точнее — повседневный *способ* мышления), заставляя его осуществить защитную реакцию, включающую либо отторжение «непонятного», либо замену «непонятного» «понятным», имеющим, как правило, миметическую природу. Соответственно увеличилась потребность в заместителе когнитивно-сложных текстов — тексте-симулякре.

Внутренний протест масс против «интеллектуального нажима» хорошо был прочувствован организаторами СМИ (в том числе — отечественных), которые достаточно оперативно создали набор проектов, реализующих когнитивное стремление масс к упрощению текстов культуры. Очень часто этим текстом-симулякром становились так называемые *интеллектуальные игры*, требующие для участников все более тривиальных знаний, не выходящих за рамки *тезауруса повседневности*, с явной тенденцией постоянного снижения необходимого для успеха игры уровня знаний (ср., например, достаточно акцентуированную содержательную сторону «знатоков» начального периода и убогое содержание интеллектуальной игры «в блондинок»). В отечественной практике (в меньшей степени — зарубежной) одну из таких ролей («снижения жанра») играют многочисленные «римейки» и «сиквелы», интеллектуальная (и=креативная) составляющая которых доводится до абсурдно малой величины. Стоит только вспомнить музыкальный сериал «Старые песни о главном», пародийность которого воспринималась массами как желаемое упрощение континуального знака, исключение наблюдателя из интеллектуальной деятельности, или — по-другому — прекращение действия *интерпретационного императива*, а также широко рекламируемый телевизионный проект «Ирония судьбы-2», в котором статус текста диалогов упал (по сравнению с оригиналом) до уровня комментария сюжетных положений. На этом пути создания текстов-симулякров преодолеваются важные свойства, присущие «классическому» неклассическому тексту-письму: ассоциативность, интерпретационная множественность, метафоричность и концептуальность как выра-

жение авторского ракурса видения мира и, наконец, собственно игровой характер текста, когда, по Р. Барту, текст обыгрывается трижды — «играет сам текст», «читатель играет в текст» и «читатель играет текст»⁴. Становится ясным, что, наблюдая процесс восприятия текстов культуры в условиях постсовременности, мы обнаруживаем действие энергии деструкции сознания, инициируемой массой в ходе реализации задач исторического развития. Эта энергия деструкции вполне симметрична по способу своего проявления главным аспектам реализации власти масс как социально-культурного феномена, к которым относятся «иллюзия равенства», «жажда выхода за пределы границ» (преодоление норм) и «желание разрядки»⁵. Их интенциональная подоплека (стремление к власти) осуществляется в процессе означивания (семиозиса, текстопорождения) в «снятом» виде — как тенденция или динамика. Воспринимая философский посыл о параллельности миров (и, соответственно, картин мира) в форме директивы, избегая логически усложненных текстов, не овладев способностью к интерпретационной (текстовой) деятельности, масса предлагает свой вариант «обустройства» культуры: нивелировка (равенство интеллектуальных, аксиологических и художественных систем — «бывают разные мнения», «это как для кого», «кому что нравится», «кто как понимает»), преодоление этических и эстетических ограничителей (яркие примеры — телевизионный юмор «ниже пояса», «сериальные» книги «женского» или «мужского» репертуара, сюжеты «шоу повседневности» и т.п.), создание ситуации перманентного праздника, оправдывающего существование и направляющего бесконечное движение, остановка которого означала бы распад самой массы. В это бесконечное движение к неизвестной цели втягиваются информационный и образовательный комплексы, предлагая иллюзорные «легкие» новости и «легкое» образование, научные деятели и структуры, готовые моделировать упрощенное — «понятное» знание

⁴ Барт Р. От произведения к тексту // Избр. работы: Семиотика. Поэтика / Сост и ред. Г.К. Кошкова. М.: Прогресс, 1989. С. 421.

⁵ Кенетти Э. Масса и власть // Тень парфюмера. М.: Алгоритм, 2007. С. 77 — 81.

(объясняющее, например, замену обучения текстовой деятельности в средней школе примитивными тестами по языку и литературе некоторыми прагматическими соображениями и «мировой образовательной практикой»). Так выделяемое (и конструируемое) культурное пространство уже не удастся отнести к явлению простой массовости культуры (даже в ее нон-семиозисном аспекте — аспекте распада семиозиса, когнитивной деконструкции и т.п.). Следует обозначить описываемое явление как *культуру масс*, выделив ее из общего пространства массовой культуры и поместив в рамки смыслового соотношения «культура масс — воля (власть) масс».

Вместе с тем, преобразование текстовой деятельности в интеллектуально-интерпретационную деятельность демонстрирует и иной аспект своего понимания — аспект когнитивных границ, т.е. интерпретационных возможностей личности. Не только интеллектуально сложные литературно-художественные формы (как, например, литературно-художественные аналоги научных словарей, метафоризированных исторических исследований, монографических описаний, апокрифических «сказаний», «документальных» разысканий, философических фрагментов, которыми наполнена современная литературная проза — см. тексты П. Коэльо, М. Павича, М. Веллера, И. Стогова, В. Пелевина др.), но и активно метафоризирующиеся не художественные (собственно научные, собственно публицистические, собственно информационные) формы обладают логикой когнитивного парадокса, разрывают нарративные механизмы причинности и последовательности. Возникает вопрос о структуре и границах *постсовременной языковой личности*, делимитация и обоснование которой в ситуации парадоксально-подвижного текстового пространства становится, по всей видимости, одной из центральных проблем когнитивных исследований современной культуры.

Решение проблемы *когнитивных границ* постсовременной языковой личности — личности-в-культуре невозможно без анализа важнейшей когнитивной процедуры — осмысления текста. Процедура *осмысления текста*, его смысловая идентификация прямо соотносится с деятельностью естественного интеллекта. При всем многообразии опреде-

лений интеллекта можно утверждать, что интеллект представляет собой сложное (а) био-социальное и (б) культурно-когнитивное явление, которое не может быть сведено к системе (набору) знаний или скорости решения задач повседневности. Думается, что в культурологическом смысле *интеллект* — это совокупность форм мышления и способов интеллектуального поведения, которая имеет рационально-логическую и чувственно-эмоциональную стороны. Взаимодействие между ними составляет существо человеческой личности. Иногда отмечают креативный характер интеллекта, всегда стремящегося к виртуальному переустройству некоторой «данной» стандартизированной модели реальности в соответствии с потребностями *духовной самореализации*. Это приводит к мысли о сложной эмоционально-рациональной и духовно-деятельностной природе интеллекта: «Интеллект включает специфическую способность индивида как к целостному, так и дифференцированному выражению разнохарактерных переживаний, ощущений, размышлений и к столь же разнообразному восприятию самого различного рода информации и внешних воздействий»⁶.

В любом случае — интеллект как сложный эмоционально-рациональный аппарат индивидуального сознания человека существует в виде системы *рефлексий*, т.е. системы интеллектуальных (мыследеятельностных) реакций на некоторые внешние (по отношению к сознанию) или внутренние (по отношению к сознанию) раздражители, в качестве которых могут выступать ощущения, образы и представления, вербальные и невербальные тексты, внутренние состояния, приобретающие информационную ценность и/или аксиологический смысл. *Рефлексия* в ее антропоцентрическом понимании лингвистична, т.е. выражена или всегда *может быть* выражена в языковой форме. При этом вопрос о первичном способе возникновения рефлексии (в лингвистической или нелингвистической форме, в историческом или актуальном плане) представляется нам несущественным

⁶ Акопян К.З. Интеллект как естественно-культурный феномен // Интеллектуальная элита России XX века: столица и провинция: Материалы межрегиональной научной конференции. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. С. 6.

ввиду естественного отграничения антропных форм сознания и не обнаружения иных (неантропных) его форм. Лингвистические наблюдения над речевым поведением показывают, что рефлексия, в отличие от реакции относящаяся к внутреннему ментальному миру, определяется по целому ряду внешних лингвистических показателей, являющихся достаточно точными ее маркерами: метауровневостью, синкретичностью, конситуативностью, интенциональностью и суперсегментностью⁷.

Указанные признаки *рефлексии в тексте* являются лингвистической и социокультурной реализацией интеллектуальных возможностей личности, обладающей способностью текстовой деятельности. Существует несколько подходов к решению задачи вычленения личности из общего персонологического контекста современного научного знания. Помещение личности в социальный контекст и приписывание ей свойств, определяемых этим контекстом, есть основной прием делимитации и обоснования понятия *личность*. В социальном контексте *личность* становится пучком различных отношений, контактов и коммуникаций, а основным ее свойством видятся решение и/или действие (как реализация самости) и выбор (как реализация индивидуальной свободы), при этом ограничители и того и другого остаются *вне личности*, а критерием сформированности личности оказываются наборы социальных и психологических признаков (имеющие в ряде случаев форму стандартов)⁸.

С точки зрения культурологии как науки о культуре и культурной антропологии как науки о человеке в культуре *так выделяемая личность* является неполным и даже неперспективным объектом исследования. Неполнота версии «социальной личности» объясняется наличием дополнительного неизвестного: как, в какой степени артефактическая и ментефактическая стороны культурной трансляции интериоризированы индивидуумом, или, иначе, в какой степени

⁷ См.: Рябцева Н.К. Язык и рефлексия // Язык и действительность: Сб. научных трудов памяти В.Г. Гака. М.: ЛЕНАНД, 2007. С. 63.

⁸ См.: Кон И.С. Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. Ростов н/Д: Феникс, 2006. С. 167.

данный индивидуум вообще является элементом данной культуры. Особенности развития советского общества, как правило, лишено ярких национально-культурных черт, и феномен «советского человека» показали громадные возможности дифференциации «культурного» и «социального» человека вплоть до их прямого противопоставления. Можно встретить ситуацию, когда социальный статус личности и ее кодифицирующие индивидуальные признаки (как-то: уровень образования, экономический базис, психосоциальный портрет и перспективы самореализации) становятся несущественными по сравнению с креативным самоощущением. Это особое ощущение (состояние) представляет собой интериоризированный и пролонгированный *акт отождествления*: индивидуум начинает ощущать себя как *идею* (в отличие от ощущения себя как *роль*, или еще хуже — как *объект, часть, средство*). Такие случаи «сбоя самоидентификации» учащаются в условиях сложившейся перманентной переходности: расширения ментального спектра (набора ментефактов) и многообразия индивидуальных картин мира. Применение логико-парадоксальных способов их реализации в текстах культуры делает такой (креативный) способ самообоснования личности практически единственным действующим социокультурным каналом преобразования индивидуальности в личность, что, вместе с тем, вполне может не приводить к социальному успеху. Это противоречие **в норме** подталкивает индивидуума к кризису идентичности: «Дисгармония между «я» и «социальным Я» является одной из самых распространенных причин кризиса идентичности. Немногие люди могут сохранить свою идентичность в неприкосновенности, если сталкиваются с беспричинным презрением со стороны своего окружения, особенно тех людей, которых они уважают. Однако завышенные оценки, даваемые им друзьями, также не идут на пользу, поскольку и в этом случае человек понимает, что его образ, сложившийся в глазах других людей, не соответствует реальности»⁹.

⁹ Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Апокалипсис смысла. Сборник работ западных философов XX — XXI вв. М.: Алгоритм, 2007. С. 36 — 37.

Креативное *ощущение себя как идеи* не является новым. Оно характерно для русской истории науки и культуры (таковы, например, для русской науки и истории «вершинные» образы Протопопа Аввакума, К.Э. Циолковского или о. Павла Флоренского, ощущавших себя *как существующих в силу идеи*). Это глубоко индивидуальное чувство совмещения Я и Иного в одном телесном существовании дает возможность для *трансцендентного чувствования*, являющегося, по сути дела, базой для любого креативного действия, тем более — длительного креативного существования. Именно в таком чувствовании совмещаются все элементы, определяющие личность как результат своего совмещения: *глубокая рефлексивность* (включая вторичную рефлексивность: рефлекссию на рефлекссию, т.е. приписывание высказыванию/тексту смысла, — и третичную рефлексивность: приписывание смысла рефлексии на рефлекссию или приписывания смысла вторичной рефлексивности), *интеллектуальность* (способность и необходимость качественной реализации в пределах освоенного тезаурусного пространства), *креативность* (возможность и необходимость создания новых текстов культуры либо новой интерпретации старых с учетом индивидуального/социального интерпретационного опыта). Указанное ощущение личности как результата и (вместе с тем) ориентира творческой деятельности невозможно представить в социальном или внесоциальном (информативном) вакууме — некоторой экономически и нормативно определяемой среде выживания человека. Такая среда окажется губительной для личности в креативном понимании (в отличие от личности в волевом и эмоциональном понимании, для которой любое — самое враждебное — пространство есть, скорее, желанный экстрим, нежели повод для беспокойства).

Единственной средой, пригодной для появления и развития личности является культура: «Пространство, в котором личность обнаруживает себя как целое, в котором происходит ее рост, есть пространство культуры. Рост личности есть именно культурный процесс и понят он может быть только как процесс приобщения к культуре, вхождения в

нее»¹⁰. Личность как инкультурированная индивидуальность, обладая креативными чертами и интенциями, почти обязательно оказывается субъектом текстовой деятельности. Тексты культуры, в том числе — литературные тексты не просто окружают ее, позволяя ощущать себя в творческой атмосфере, они создают информационное пространство личности и, одновременно, предметное деятельностьное поле, на котором происходит длительный процесс становления, а затем существования личности как культурного феномена.

Таким образом, можно считать, что личность (и=интеллект) является целью индивидуального развития и фактором социального развития, всегда следующего в интеллектуальном фарватере наиболее «прорывных» личностей (либо — замирающего в виду их отсутствия). И наоборот: социальное самообоснование (социализация) и культурное «самоустроение» (инкультурация) создают предпосылки для формирования черт личности, обладающей развитым и деятельностьюным интеллектом. Этот путь самостроительства, который иногда (в традиции отечественной педагогики) называется *воспитание*, а в психологической традиции — *формирование* личности, представляет собой интеллектуальную целенаправленную деятельность по созданию собственной модели «Я», совместимой с моделью мира, представленной в индивидуальном сознании как некоторый образ неизвестной индивидууму «реальности». Такое движение к своему «Я», основанному на борьбе за интеллект, известно как неоплатоническая «забота о себе» в современной интеллектуально ориентированной версии¹¹.

Сакральный смысл формирования «Я», уступивший первенство интеллектуальному смыслу, представляет собой систему абсолютных целей саморазвития, которое видится как способность объединения в едином интеллектуально-

¹⁰ Вересов Н., Мельников А. Образование и культура: нереальные цели и реальные ценности//В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество / Рос. ин-т культурологии; О.К. Румянцев (отв. ред.) и др. М.: Академический проект; РИК, 2005. С. 165.

¹¹ См.: Фуко М. Герменевтика субъекта// Интернетресурс <http://filosof/historic.ru>

нравственном усилии блока *познание 1* (внешнее по отношению к интеллекту), блока *познание 2* (внутреннее по отношению к интеллекту), блока *познание 3* (информационного кода, необходимого для реализации познания *1* и познания *2* и блока *познание 4* (системы ценностей, одухотворяющих и = осмысляющих предыдущие виды познания). При этом важно понимать, что уже познание *1* — это познание мира через призму второй реальности культуры, которая в современном виде сводится к достаточно обширному набору текстов культуры, в т.ч. наиболее информационно емких текстов — литературных. Что же касается познания *2 – 4* — это безусловно различные формы и виды текстовой деятельности, т.е. деятельности по порождению/восприятию и интерпретации литературных (в том числе — научных) текстов. Эта деятельность, как и сам социальный признак отношения к ней, является интегральным центром формирования (самоформирования) личности, является тем чувственно переживаемым началом, которое позволяет ощутить себя *креативным элементом социума, или*, в финале такого развития, — некоторой *идеей*. Следовательно, и *уровни развития личности* могут выделяться на основе двух признаков (а) отношения к текстовой деятельности; (б) уровня владения текстовой деятельностью.

Используя обобщение различных деталей (психологических, дидактических, лингвистических), можно выделить три основных уровня развития языковой личности (личности-в-культуре): (а) уровень использования элементов текстовой деятельности в контексте бытия повседневности (до-технологический уровень, когда выполняются утилитарные задачи с использованием текстовой деятельности как некоторого «инструмента для...») (А-система); (б) уровень овладения текстовой деятельностью как информационным ресурсом (технологический уровень, на котором используются целевые утилитарно-реферативные модели текстовой деятельности, позволяющие поддерживать необходимый объем информации) (В-система) и (в) уровень текстовой деятельности как информационно — креативного акта, когда при помощи создания/воссоздания текстов создается креативное информационное пространство, включенное в

общую структуру семиозиса (С-система). Каждому из уровней соответствует тип *интеллектуальной позиции*, связанной, во-первых, с референциальными возможностями индивидуума, и, во-вторых, с его способностью интеллектуального самоощущения. Для А-системы характерна интеллектуальная позиция прямого («конкретного») действия, подкрепленная простой рефлексией (рефлексией — реакцией), для В-системы наиболее вероятной является интеллектуальная позиция социальной адаптации, связанная со сложной рефлексией самообоснования (рефлексией на рефлексию), наконец, для С-системы показательна интеллектуальная позиция постановки и решения сложной ментальной задачи, требующей составной рефлексии (рефлексии на рефлексию на рефлексию) или логико-когнитивного мышления.

В современную информационную эпоху, когда действенность прямого интеллектуального вмешательства (в процессы, события, решения) резко повышается, а социально-экономический эффект от такого вмешательства (экспертного решения) становится достаточно ощутим, наблюдается проявление интеллекта нового типа, для которого свойственна свободная текстовая деятельность с результатом любой сложности (идет ли речь об интерпретации «чужого» текста или построении своего, включая научно-теоретический текст-модель). Такой тип текстовой деятельности можно условно назвать Д-система, при использовании которой тексты приобретают новую смысловую глубину в процессе текстовой деятельности, т.е. становятся когнитивно подвижны. С-система и Д-система принадлежат сформировавшейся языковой личности, две остальные — индивидуальности, находящейся пока в процессе развития (либо — разрушения). Соответственно С—Д-системы и А—Б-системы часто поляризуют, видя за ними креативных и нон-креативных субъектов, расходящихся в плане ощущения и обоснования «Я». Наличие наставника, учителя, деятельного примера полагается обязательным для совершения индивидуумом качественного перехода от А—Б-системы к С—Д-системе, требующего серьезного интеллектуального и волевого усилия. Очень точно путь преодоления внутреннего инертного ментального пространства показан Мишелем Фуко:

«Между человеком, не желающим собственного «Я», и тем, кто достиг искусства управлять собой, обладать собой, черпать удовольствие в себе — что является подлинной целью sapientia, — необходимо вмешательство другого, поскольку, структурно, воля, присущая stultitia, не может желать заботиться о своем «Я»¹². Вместе с тем, обретение определенного *постоянства понимания мира* за счет системы знаний и волевое освоение *практики креативного отношения к себе и к миру* не означает долговременной фиксации обретенной структуры личности: изменяются референциальные параметры самого сознания (то ли под воздействием изменяющихся текстов культуры, то ли в результате прекращения их восприятия). Этот «зазор» между структурой личности и структурой референции оказывается пройденным только в результате нового усилия интеллекта, решающего эту задачу через перманентное осмысление реальности бытия как проверяемого факта. «Новое» осмысление представляет собой смысловую основу для производства/воспроизводства «новых» текстов культуры, замыкая смысловой круг. Соположение уровней рефлексии и уровней текстовой деятельности формирует *персонологическую вертикаль* текстов постсовременности: от текстов повседневного и миметического типа (текстов — типизаций), до текстов, «работающих» на основное когнитивное преобразование «смысл» — «текст» и потому насыщенных сложными когнитивными трансформациями (концептуализациями, метафоризациями, типизациями).

Такая интеллектуальная дифференциация есть следствие действия механизмов формирования интеллектуального пространства постсовременности, дифференцированного не по наличию/отсутствию «текстов культуры для...» (различной когнитивной ориентации для различного социально-культурного «контингента»), а способом интеллектуального включения индивидуальностей/личностей в коммуникативное пространство. В этом смысле *элитарная культура* может пониматься не как *культура для* (некоторой) элиты, а как исследовательская программа, «проверяющая»

¹² Там же.

новые возможные подходы к формированию картины мира в сложной когнитивно-метафорической форме. *Массовая культура*, в том случае, когда ей удастся (несмотря на всю поверхностность) обеспечить своими текстами инициацию интеллектуальной деятельности (трансформаций смысл-текст и текст-смысл), оказывается способной не только решать сложные информационные задачи, но и обеспечить информационное сопровождение процесса формирования креативной личности. В случае частичной или общей социальной деградации, когда массовая культура не способна выполнить информационно-познавательной задачи, она (под воздействием экономико-социальных факторов) преобразуется в *культуру масс*, следующую воле масс и разрешающую проблемы социального комплекса непонимания, что является важным фактором стабилизации индивидуальных предпочтений и значит — стабилизации общества. Весь вопрос не в «оценках качества», а в соотношении в общественной среде креативности и некреативности, созидания и распада, развития и упадка.

Наличие интеллекта, формулирующего задачи осмысления и, одновременно, решающего их, разрывает узы порочного восприятия «реального» как тавтологической материальной данности, переводит в свободное креативное пространство человеческий ум, повседневную («здравую») ничтожность которого хорошо описал Умберто Эко: «Происходит вот что: мы рассматриваем другие, возможные, миры так, будто мы сами обитаем в некотором привилегированном мире, в котором все индивиды и свойства непреклонно даны и определены, а так называемая межмировая тождественность — это всего лишь вопрос представимости и вероятности других миров с точки зрения нашего»¹³. В условиях постсовременности интеллект есть главное звено преодоления повседневности, осуществления перехода к системе порождающих моделей человеческого поведения, позволяющих создавать новые тексты культуры как элементы обыденности.

¹³ Эко Умберто. Роль читателя: Исследования по семиотике текста. СПб.: Symposium; М.: Изд-во РГГУ, 2005. С. 383